

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОММИ ТЭЙЛОРА В СТРАНЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Автору сайта удалось отыскать редкую книгу, изданную в 1932 году – воспоминания австралийского солдата Томаса Тэйлора (Thomas Taylor) – единственного в истории британского подданного, которому удалось бежать из немецкого плена домой через революционную Россию. Чтение книги оставило сложные чувства – в ней есть действительно интересные свидетельства человека редкой судьбы, и, одновременно, - откровенная русофобия, с которой автор сайта столкнулся едва ли не впервые в жизни. Да, общение с русскими в плену и после плена выработало у Тэйлора стойкую неприязнь, если не сказать больше, к русским людям. По-видимому, плен и гражданская война – не самые лучшие обстоятельства для того, чтобы делать заключения о национальном характере людей. Несомненно также и то, что свои воспоминания Тэйлор писал в те времена, когда русофобия, смешанная с антикоммунизмом были весьма типичны для австралийского общества.

Австралийский пехотинец Томми Тэйлор был ранен и попал в плен 11 апреля 1917 года в бою под Буллекуртом. Ему пришлось испытать все «прелести» плена в прифронтовой полосе – голод, холод, тяжелую и грязную работу – немцы использовали пленных для захоронения своих убитых. Кроме мизерного пайка еду было взять негде – доходило до того, что немецкие охранники выбивали из-рук бельгийских и французских женщин и детей еду, которую они пытались передавать изможденным пленным. Вскоре изможденный и больной Тэйлор оказался в госпитале с гноящейся раной на руке. Он с трудом отговорил немецкого доктора от ампутации, и тот прооперировал руку без наркоза. Тэйлора просто привязали к столу на время операции.

В госпитале для выздоравливающих

После того, как я провел месяц в немецком госпитале, меня перевели в госпиталь для пленных, где воздействие на людей дурной пищи было вполне очевидным. Дизентерия косила пленных и, в особенности, русских, к которым, как казалось, относились хуже, чем к военнопленным других национальностей. Как-то за одну неделю я насчитал не меньше 150 покойников в отделении для русских. То, как обращались с их трупами, отражало презрительное отношение к ним со стороны немцев. Их палаты были на верхнем этаже, и каждого несчастного, которому довелось умереть, стаскивали вниз по лестнице за ноги или за руки и швыряли в общую могилу. По сей день мне слышится глухой стук их безжизненных тел о ступеньки. Несколько британцев умерло в том же госпитале, пока я был там, но с ними обошлись с большим уважением, снесли вниз аккуратно и похоронили в отдельных могилах...

ВК - Уже это само по себе должно было способствовать развитию у русских неприязни к британцам.

Временами в больничную жизнь вносили разнообразие различные происшествия, случавшиеся из-за недостойного поведения и полного отсутствия принципов, которое демонстрировало большинство русских. Некоторых из них время от времени направляли на различные вспомогательные работы в госпитале, за что полагался дополнительный хлебный паек. Когда их выстраивали для раздачи хлеба, многие, которым не полагался дополнительный рацион, также становились в шеренгу в надежде получить лишний паек. Иногда подставки сходили с рук, но чаще самозванцев распознавали и выгоняли из строя. При этом последние незамедлительно «закладывали» охраннику остальных обманщиков.

Подлость, зависть, подозрительность – все эти черты я нашел наиболее характерными для большинства русских, и из-за них те маленькие привилегии, временами причитавшиеся нам, были либо сокращены, либо вообще отобраны у нас.

ВК - Когда человек голодает, ему часто не до принципов. Поэтому вряд ли стоило делать выводы на основании поведения двух-трех человек. Стоит заметить также, что в Австралии детей учат ябедничать и «закладывать» друг другу сызмальства. Эта привычка сохраняется у них и в зрелом возрасте, и часто бывает неприятно, когда твои не самые значительные промахи на работе незамедлительно докладываются начальству людьми, которых считаешь своими товарищами. Я по сей день не могу преодолеть в себе привычку хранить в таких случаях молчание, а, наверное, зря. Но перевоспитывать себя поздно.

В госпитале на кухне добровольно работали две француженки, и им помогали двое русских пленных: последние были настроены по отношению к нам несколько лучше, чем остальные их соотечественники. От француженок нам регулярно доставалось небольшое количество хлеба, присылаемого, по-видимому, французскими подпольщиками. Этот хлеб вместе с молоком в нашу палату приносили эти два русских парня. Как-то случилось, что мы делили эти продукты между собой, когда какой-то русский вошел в нашу палату, чтобы померять нам температуру, и, конечно же, разглядел у нас излишек хлеба. Сделав свое дело, он ушел, но почти немедленно вернулся с немецким охранником, который отобрал у нас драгоценный хлеб к явному удовольствию русского. Немец, однако, оказался неплохим парнем (мы встретили несколько таких), и, позднее, принес назад весь хлеб, объяснив, что ему по службе полагалось отобрать его у нас, так как он сам боялся, что его «заложит» начальнику видевший нас русский. Что ж, после этого в русских палатах все знали, что нам достается больше хлеба, чем им. Русские подстерегли двух своих соотечественников около кухни и отобрали у них молоко, однако хлеб им так и не достался. Из-за этого нам пришлось тайком пробираться на кухню и получать наш «доппаек» прямо там.

ВК - Ну вот опять – двое русских проносили британцам хлеб, а один «заложил». Тем не менее, вывод такой – все русские плохие!

Мы носили больничную одежду, состоявшую из просторных штанов и халата. В штанинах мы прятали хлеб, пытаясь пройти назад в палату как можно более естественно и неприметно. Но русские по-прежнему относились к нам с подозрением и следили за нами. После того как я и еще один парень получили на кухне свой хлеб и вышли каждый с двумя батонами хлеба, нас немедленно атаковали. Мы бросились бежать, и мне удалось прорваться. Моему приятелю повезло меньше: его поймали, отобрали хлеб и здорово поколотили, однако и ему удалось сбить нескольких из них с ног. На поднявшийся шум сбежались наши ребята, и началась общая драка, которую остановили немецкие охранники, появившиеся на месте происшествия с винтовками с примкнутыми штыками...

ВК - По-моему, у русских проявилась совершенно естественная реакция на двойные стандарты французских подпольщиков – подкармливать британцев, забывая у русских. Естественно, у голодных людей это могло вызвать только озлобление и желание восстановить справедливость.

На эту попытку отобрать у нас то, что им не могло достаться другим путем, русских подтолкнули зависть и голод. Тот небольшой хлебный паек, который выдавали нам немцы, был для нас самой большой драгоценностью, и, тем не менее, мне приходилось видеть русских, которые продавали его и сидели на похлебке ради денег, при этом многие из них позднее умирали от голода...

Осень 1917 года

Вскоре Тэйлора отправили работать на немецкую ферму, где он оказался в компании двух русских. Хозяйка фермы, у которой на фронте были муж и два сына, проявила заботу об австралийце и стала подкармливать его. О русских она не беспокоилась. Австралиец и его русские товарищи часто работали вместе с немецкими женщинами и детьми, которых толпами отправляли на фермы. От них пленники узнавали о страшном голоде в немецких городах.

В Германии свирепствовал грипп. Я тоже подхватил его и в течение двух недель находился на грани смерти. Кроме моих товарищей по плену обо мне некому было позаботиться, да и те могли это делать только после работы. Один из них, русский, помогал мне больше других, и ему, в огромной степени, я обязан своим выздоровлением.

ВК - И снова видим, что у многих западноевропейцев двойные стандарты: немка подкармливает австралийца, «забывая» о русских! Тэйлор не думает о том, что русским это неприятно. Слава Богу, хоть не забыл, что его русский вытащил с того света!

Побег

После выздоровления Тэйлор стал задумываться о побеге. Ему было очевидно, что пересечь линию Западного фронта и добраться до своих невозможно. Он решил обсудить возможность побега со своими русскими товарищами.

На протяжении долгого времени мы думали о побеге. Один русский раздобыл компас, другой – карту. После бесед с другими русскими, которые убежали и были пойманы, мы решили, что лучше всего будет направиться в Минск, расположенный на границе Польши и России. Мы конечно же, не знали ничего о положении дел в России. Немецкие охранники время от времени рассказывали нам противоречивые истории о том, что происходит в мире, и даже говорили, что Россия бросила союзников, и страна находится в хаосе, но мы ничему этому не верили...

В 7 часов вечера 3 ноября 1918 года я и трое русских тронулись в путь к польской границе, находившейся в 8 километрах к востоку от нас...

Когда мы добрались до окрестностей села Сувалки, прятаться было практически негде, и нам пришлось долго идти по распаханым полям. Идти было тяжело, и мы решили добраться до ближайшей дороги, полагая, что, если мы услышим, что кто-то приближается к нам, будет несложно найти укрытие. Все шло хорошо на протяжении нескольких миль, но мы здорово устали и решили передохнуть на обочине. Разумеется, мы и не думали засыпать, но, кажется, как только мы сели, уснули сразу же. Сколько мы проспали, я не знаю, но нас разбудил приближающийся стук копыт. Мы не знали, что делать, и даже не двинулись с места – самое естественное в данных обстоятельствах. Это был разъезд немецких уланов – мы в сумерках сумели разглядеть их остроконечные шлемы. В тот момент, когда уланы проезжали мимо места, где лежали мы, один из них заметил: «Те черные предметы похожи на людей». Так как мы лежали среди больших валунов, другие уланы приняли нас за камни и, к нашему великому облегчению, немцы сошлись на этом и проехали мимо...

Беглецам удалось найти лодку, чтобы переправиться через Неман.

Мы были слегка возбуждены возможностью наконец перебраться через реку и на какое-то время расслабились и утратили бдительность. Нас привело в чувство приближение группы всадников. Мы не знали, были это немцы или нет, но рисковать не стали. Я и один из русских бросились на землю за небольшой насыпью на обочине дороги, но двое других запаниковали и пустились бежать по дороге. Резкие крики всадников с требованием остановиться не оставили сомнений в их национальности. Чем больше немцы кричали, тем

быстрее бежали русские, и через некоторое время шум погони стих. Мы пришли к выводу, что их схватили, и нам ничего не оставалось, как попытаться переправиться через реку до рассвета...

Мы добрались до противоположного берега. Я хотел отпустить лодку вниз по течению в надежде, что ее вынесет на другой берег, и она еще послужит другим беглецам, но мой товарищ предостерег меня от этого. Вскоре оказалось, что он был прав, так как когда мы уже собирались трогаться в путь, то услышали, что кто-то зовет нас по имени с противоположного берега – это были наши пропавшие товарищи, которым удалось в темноте уйти от погони. Нам ничего не оставалось, как пуститься в обратный путь, что мы и сделали...

В России

На первой же остановке в небольшой деревне нам удалось купить немного хлеба. В подобных делах мне приходилось нелегко, поскольку я не говорил и не понимал по-русски. Я решил доверить свои деньги товарищу и оставить на его попечении все покупки. Это была большая ошибка. Двое других русских к тому времени уже покинули нас и ушли в другом направлении, но тот, с которым мы вместе держали путь, был моим товарищем по работе еще в Германии. Мы были друзьями в беде, и я часто делился с ним содержимым посылок [Красного Креста - ВК]. Мне казалось, что он был привязан ко мне, и глазом не моргнув, передавая ему свои деньги. На следующее утро, однако, он исчез. Неблагодарность и предательство весьма характерны для этого народа: я полагаю, что большинство русских ограбили бы собственных родителей. Что ж, все было против меня: без языка, без денег, без друзей, чужак в незнакомой стране. Еще хорошо, что в тот момент я не знал об истинном положении дел в России. Будь я женщиной, я бы, наверное, разрыдался и утешился бы этим – я уже был на грани, но вспомнил старую поговорку: «Нечего плакать над разлитым молоком». Оставалось только стиснуть зубы и терпеть.

ВК - Ну вот опять – один русский, возможно, польстился на его деньги, а Тэйлор делает вывод о том, что все русские – негодяи.

Через несколько дней я добрался до Смоленска и там, совершенно измученный и на грани нервного срыва решил обратиться к военным властям. Я нашел коменданта и доложил о себе. Мне оказали прием, совершенно противоположный тому, что я ожидал. К моему большому облегчению, в комендатуре оказался чиновник, который говорил по-немецки, и я без труда рассказал ему о своем бедственном положении. Он привел меня домой, накормил, а его жена настояла на том, чтобы я взял с собой пакет с продуктами. Затем меня отвели в другое помещение, набитое довольно большим количеством народа. Они стояли в двойной очереди по обеим сторонам прохода и, очевидно, как и я, стремились получить железнодорожные билеты. Меня провели через очередь, и, по-видимому, народ почувствовал, что я британец (или иностранец), и пришел в ярость от того, что меня поставили перед ними.

Я нес с собой небольшой чемодан, который мне пришлось поставить себе на голову, чтобы пробраться через узкий проход. На этот чемодан обрушились кулаки, меня толкали и осыпали проклятиями. Я видел достаточно русских в Германии и знал, что в большинстве это трусы, так что не боялся никакого насилия с их стороны. *(Судя по всему, Тэйлор пережил Вторую Мировую войну и, должно быть, услышал что-то о Сталинграде, Курске, штурме Берлина. Хочется надеяться, что постаревший ветеран изменил после этого свою точку зрения – ВК.)* Попав в контору, я встретил в ней русского, которого привела туда та же необходимость, и который казался более джентльменом, чем остальные. Мы разговорились. Я понял, что он был доктором, который тоже был в плену в Германии. С ним хорошо обращались многие британские пленные, с которыми он был в заключении, и это несомненно оставило в нем чувство благодарности по отношению к

британцам. Направляясь, как и я, в Москву, он взял меня под свою опеку, за что я был ему весьма благодарен.

Мы прибыли в Москву в 10 часов утра на следующий день. Мой приятель-доктор был, очевидно, хорошо знаком с Москвой и повел меня прямо в какую-то привокзальную контору, где работали три дамы. Одна говорила по-немецки, другая по-французски, и, применив мое поверхностное знание каждого из них, я почувствовал облегчение. Они были очень добры и общительны, и я остался с ними до вечера, пока они не закончили работу. Одна из них повела меня в расположенный неподалеку дом - куда мы шли, я не знал и не спрашивал. Придя на место, мы были встречены джентельменом, который коротко переговорил с моей проводницей и поразил меня, заговорив на отличном английском. Это был преподобный мистер Норт, англиканский священник, который пригласил меня к себе переночевать. В доме у Норта я впервые за два года принял ванну...

ВК - Вспомним теперь, сколько добрых русских людей бескорыстно помогли Тэйлору: выходивший его пленный русский солдат, чиновник комендатуры и его жена, побывавший в плену доктор, женщины из привокзальной конторы... Никаких обобщающих выводов Тэйлор при этом не делает!

Однако уже на другой день Тэйлор почувствовал, что выбраться домой будет не так просто: в стране бушевала Гражданская война, и в Москве уже не было британского посольства. Интересы британских подданных в России представляло посольство Дании. В нем-то и поселился Тэйлор. Он жил в одной комнате с двумя английскими моряками, которые когда-то сбежали со своего корабля в Мурманске, а потом были арестованы большевиками по подозрению в шпионаже. Им даже пришлось отсидеть какое-то время в тюрьме. Некоторое время троица подрабатывала заготовкой и продажей дров, однако вскоре англичане исчезли, прихватив с собой всю одежду и постельное белье Тэйлора, на которые он истратил все заработанные деньги. Благодаря им Тэйлор пережил московскую зиму без теплой одежды, а спать ему приходилось на голой кровати под матрасом... Позднее он узнал, что вороватые беглецы вступили в Красную Армию.

Почему-то этот случай не вдохновил Тэйлора на вывод о всеобщей подлости и вороватости британцев? Свои, все-таки, сукины дети... - ВК.

Солдат был законом сам по себе. Шум и крики погони, безрассудная стрельба были слышны время от времени на улице днем и ночью. Если солдат сталкивался с предполагаемым нарушением закона, он был и судьей, и адвокатом, и палачом, и, если он считал, что случай требует расстрела, то пускал оружие в ход незамедлительно. Много раз я видел людей, бежавших по улице и солдат, гнавших за ним и стрелявших из револьверов... Мне часто приходилось прятаться в в подъездах или углах, в то время как рядом свистели пули. Как-то раз я испытал сильный страх. Я шел домой рано утром, когда меня остановил военный патруль, потребовав у меня паспорт. Так как паспорта у меня не было, я притворился, что не понимаю их, предлагая им сигареты. Когда номер не прошел, я стал говорить, что я – «английский пленный». Это спасло меня от ночи-другой в тюремной камере...

Впечатления о Москве

Москву по праву называют Городом Церквей, так как в отличие от Лондона, про который говорят, что в нем на каждом углу есть паб, в Москве почти на каждом углу стоит церковь. Тем не менее, на мой взгляд, и то, и другое служит тому же – держать людей в бедности. Эти церкви вовсе не какие-то невзрачные маленькие здания, а великолепные, производящие огромное впечатление строения, увенчанные огромными позолоченными куполами. Они открыты весь день, и в них постоянно заходят верующие... Москва – красивый город с множеством прекрасных зданий и широкими улицами, в то время как в

деловой части города можно увидеть красивые фронтоны магазинов. Вместо демонстрации товаров их витрины были заколочены, и вся торговля переместилась на рыночные площади.

Путь домой

Тэйлор уже довольно свободно говорил по-русски. Он поставил перед собой задачу заработать достаточно денег, чтобы уехать из России. Наилучшим способом сделать деньги была спекуляция. Австралиец обзавелся своим лотком на одном из городских рынков и стал скупать и перепродавать предметы домашнего обихода. Потом он разузнал о том, что где-то есть человек, который производит самый ценный в то время товар – мыло. Тэйлор разыскал мыловара где-то далеко за городом. Тот оказался бывшим управляющим фабрики красок, закрытой большевиками. Он варил мыло из оставшейся в его распоряжении олицы, добавляя каустическую соду. Получалось довольно приличное мыло. Тэйлор предложил ему свои услуги по сбыту мыла, и русский коммерсант, загнанный в подполье военным коммунизмом, согласился.

Дела у Тэйлора пошли неплохо, хотя его накопления росли не так быстро, как хотелось бы. Чтобы ускорить этот процесс, Тэйлор по ночам играл в карты, причем довольно успешно.

...Я осторожно выяснил, нет ли где-нибудь доктора, который выдал бы мне справку о плохом состоянии здоровья, чтобы дать мне возможность уехать из этой страны. Я спрашивал многих и, наконец, нашел одного, который за деньги выдал мне такую справку. Два других доктора подписали ее. В справке было написано следующее:

«Податель сего является британским военнопленным, бежавшим из Германии в Москву. Его здоровье находится в крайне плохом состоянии, и его призыв на военную службу не представляется возможным. Он страдает сердечной недостаточностью и нуждается в срочной отправке домой».

Паспорт и транзитный билет на судно Тэйлор получил в датском консульстве. Ему удалось добраться до Финляндии, затем до Норвегии, откуда он, в конечном итоге, прибыл в Англию 11 апреля 1919 года.

Тэйлор вполне резонно ждал не слишком теплого приема от британских властей, но он не ожидал, что по прибытии в Англию его будут три недели допрашивать в армейской контрразведке о том, что он видел в большевистской России. Шестьдесят лет спустя Томми Тэйлор все еще вспоминал об этом, не без обиды говоря, что «это было несправедливо... но на то она и армия».

В Англии, во время беседы со мной британские офицеры спрашивали меня, сколько еще продержатся большевики. Я ответил, что продержатся долго, так как мне часто приходилось видеть, как выглядит их армия. Почти каждый здоровый мужчина в этой стране ушел в армию, в которой хорошо кормили и одевали. На самом деле, это было единственным местом в России, где еда была в изобилии. Я также видел их артиллерийскую колонну на марше – лошади, орудия и люди выглядели превосходно. Их армии, казалось, не испытывали недостатка ни в новобранцах, ни в снабжении. Все парни, достигшие определенного возраста, проходили военную подготовку, и все говорило о лояльности солдат, возможно, обусловленной мотивами личной выгоды.

К моему мнению не особенно тогда прислушались, но более поздние события показали, что я оценил ситуацию довольно верно.

В годы Великой Депрессии Тэйлор написал воспоминания о своих приключениях в стране большевиков и пытался продавать книгу сам, правда, без особого успеха. В истории он

остался единственным подданным Британской Короны, который совершил подобное путешествие домой из немецкого плена через революционную Россию.

Private T. E. Taylor (Gippsland, Late of 14th Batallion, AIF). Peregrinations of an Australian Prisoner of War. The Expiriences of an Australian Soldier in Germany and Bolshevic Russia. 1932

Возврат к главной странице www.warsstory.org